

НОВГОРОДСКАЯ ЖИТИЙНАЯ ЛИТЕРАТУРА: ТЕКСТ И ОБРАЗ

Д. Б. Терешкина

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Новгородский филиал),
Великий Новгород, Россия
terdb@mail.ru

Новгородская житийная литература чрезвычайно богата. Большое количество монастырей, окружавших Новгород, святые, подвизавшиеся в самом Новгороде, прекрасная сохранность новгородских древностей (рукописей, памятников литературы, иконописи, зодчества), обусловленная историей Новгородской земли (Новгород избежал разорения монголо-татарами, всегда сохранял собственную уникальность, заключавшуюся, кроме вечового республиканского уклада, в свободном определении форм эстетического выражения), – всё это обусловило богатство новгородской агиографии, насчитывающей более сотни произведений. Основу новгородской житийной литературы составляют наиболее древние и «авторитетные» жития «популярных» святых: Антония Римлянина, Иоанна Новгородского, Варлаама Хутынского, Михаила Клопского, Евфимия Вязищского и др., сохранившиеся в большом количестве списков. Древненовгородская агиография развивалась, вероятно, начиная с XIII в. и заканчивая первой половиной XVIII в. Она, как наиболее представительный средневековый жанр, отразила специфические особенности древненовгородской литературы, до сих пор являющиеся предметом научной дискуссии. Тем не менее можно, как нам кажется, выделить особенности новгородской средневековой литературы. К ним относится большое количество летописных сводов (а также, что является пока исключительно новгородским установленным феноменом, постоянно ведущаяся летопись), богатство и разнообразие других литературных жанров (сказаний, житий, повестей, хождений), взаимопроникновение жанров (видение или чудо как иконный образ и как литературное произведение, визуальное отражение литературного сюжета – «Сказание о битве новгородцев с суздальцами» и др.), простота, лаконичность, безыскусность стиля, открытость к заимствованиям, внимание к местным темам и событиям. Специфика новгородской средневековой житийной литературы отражает и расширяет представления об особенностях древненовгородской литературы в целом. Агиография средневекового Новгорода характеризуется изображением исторических событий, связанных с вечевым укладом города, описанием противоречивости новгородцев в отношении к новгородским иерархам, повседневной жизни города, новгородских реалий – Судного моста, Волхова, двух «сторон» Новгорода, всегда находившихся в противостоянии друг другу. Одной из специфических особенностей новгородской житийной литературы является высокая достоверность текстов, подтверждающаяся сохранившимися до наших дней реалиями, отражёнными в житиях, и даже местными традициями поклонения святым. В Новгороде

на самом деле существует феномен «живой истории», реализующейся, в том числе, в переключке целой сети памятников – литературных, иконографических, архитектурных, а также в ряде источников деловой и художественной письменности, напрямую или косвенно подтверждающих изображённые в новгородской литературе события. Всё отмеченное позволяет утверждать о гораздо большей историчности житийной литературы (в данном случае – новгородской), чем было принято считать ранее.

Ключевые слова: Новгород, жития святых, историчность, достоверность, локальность тем и идей, простота, образительность, текст, образ.

NOVGOROD HAGIOGRAPHIC LITERATURE: TEXT AND IMAGE

Daria Tereshkina

Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (Novgorod Branch),
Veliky Novgorod, Russia
terdb@mail.ru

Novgorod hagiographic literature is very rich. The large number of monasteries surrounding Novgorod, the saints who were ascetics in Novgorod, the excellent preservation of Novgorod antiquities (manuscripts, literary monuments, iconography, architecture), due to the history of the Novgorod land (Novgorod escaped the ruin of the Mongol-Tatars, always preserved its own uniqueness, which, in addition to the Veche republican way of life, consisted of free definition of aesthetic expression forms) – all this led to the richness of Novgorod hagiography, numbering more than a hundred works. The basis of the Novgorod hagiographic literature consists of the most ancient, “authoritative” lives of the “popular” saints: Anthony of Rome, John of Novgorod, Varlaam of Khutyn, Mikhail Klopsky, Euthymius of Vyazhishchi, etc., preserved in a large number of copies. Ancient Novgorod hagiography developed, probably, starting from the XIII century and ending with the first half of the XVIII century. As the most representative medieval genre, it reflected the specific features of ancient Novgorod literature, which are still the subject of scientific discussion. Nevertheless, it seems to us that it is possible to distinguish the features of Novgorod medieval literature. These include a large number of chronicles (as well as constantly maintained chronicle, which is exclusively Novgorod phenomenon), the richness and variety of other literary genres (legends, lives, stories, travel genre), the interpenetration of genres (vision or miracle as an icon image and as a literary work, a visual reflection of the literary plot – “The Legend of the Battle of Novgorodians with Suzdalians”, etc.), simplicity, conciseness, artlessness of style, openness to borrowing, attention to local topics and events. The specifics of Novgorod medieval hagiographic literature reflect and expand understanding of features of ancient Novgorod literature as a whole. The hagiography of medieval Novgorod is characterized by the depiction of historical events related to the Veche way of life of the city, the description of the inconsistency of the Novgorod people in relation

to the Novgorod hierarchs, the daily life of the city, the Novgorod realities – Judgment Bridge, Volkhov, the two “sides” of Novgorod, which were always in opposition to each other. One of the specific features of Novgorod hagiographic literature is high reliability of texts, which is confirmed by the realities preserved to this day, reflected in the hagiographies, and even by the local traditions of worship. In Novgorod, in fact, there is a phenomenon of “living history”, which is realized, among other things, in the connection between many monuments – literary, iconographic, architectural, and in a number of sources of business and artistic writing, directly or indirectly confirming the events depicted in Novgorod literature. These arguments allow us to claim the historical reliability of hagiographic literature (particularly, Novgorod) at much greater extent than it was previously believed.

Keywords: Novgorod, the lives of saints, historicity, authenticity, locality of themes and ideas, simplicity, figurativeness, text, image.

Введение

Круг агиографических памятников, связанных с Новгородской землёй, обширен. Учитывая то, что в разное время Новгородская епархия занимала различные территории Северо-Востока Руси, принято говорить о «севернорусской агиографии» (включая позднесредневековую агиографическую традицию и жития раннего Нового времени) [Дмитриева 1994; Гордиенко 2001; Пиккио 2002; Пятнов 1982; Терешкина 2006]. Однако неизменным оказывается «костяк» новгородской житийной литературы, куда входят наиболее древние и популярные жития новгородских святых: Варлаама Хутынского, Иоанна Новгородского, Антония Римлянина, Михаила Клопского, Николы Кочанова, Феодора Юродивого, епископов Никиты, Нифонта, Евфимия Вяжищского. Эти древние новгородские жития во многом отразили особенности новгородской литературы старшего периода: достаточно вольное обращение с канонами жанра, простоту стиля, наличие непосредственной разговорной речи и др. – прежде всего в первоначальных своих редакциях. Появление более поздних (как правило, более «правильных») редакций этих житий и их активная литературная жизнь в младший период древнерусской истории лишь доказывает их характерность для древненовгородской агиографической традиции.

Древненовгородская агиография развивалась, вероятно, начиная с XIII в. и заканчивая первой половиной XVIII в. Трудно определить «самый новгородский» период в процессе развития древненовгородской агиографии. Активным был XV век, когда культурные мероприятия, предпринятые Евфимием Вяжищским, далее – архиепископом Геннадием, дали обильные плоды для пополнения древненовгородской агиографической традиции. XVI век привнёс новую жизнь в эту традицию [Гордиенко 2001]. Создаётся большое количество новых житий святых, канонизированных в макарёвское время. Эти жития изначально подчинялись строгому канону жанра, требованиям «официального» стиля и идеологии централизован-

ного государства. Они тоже представляли собой новгородскую литературу, но несколько другого рода. XVII век в агиографической традиции Новгорода был своеобразным не только в тематике, но и в отношении к местному материалу. Примечательно, что, пройдя период «унификации» и сглаживания местных традиций, новгородская литература как будто «вспоминает» о необходимости бережного отношения к ним, сохранения их для себя, а не ради «снабжения» русской литературы местным богатейшим материалом, приспособленным к задачам общерусского масштаба. Вероятно, вследствие этого именно в XVII в. появляются памятники, больше похожие на явления «литературного краеведения». Создаются сборники, скрупулёзно собирающие всё, что связано с новгородскими святынями, – жития, больше похожие на записи местных преданий, нежели на канонические произведения агиографического жанра (житие Николая Кочанова, Житие Феодора Юродивого).

Создание в XVII в. рукописей «объединяющего» тематического типа впервые, как нам представляется, говорит о попытке создания цикла произведений новгородской тематики. Интересно отметить, что пока новгородская литература была самодостаточной, полноценной, объёмной, развитой литературой отдельной земли (относительно самостоятельной, особенно в историко-культурном отношении), необходимости создания цикла новгородских произведений как будто не существовало. Цикличность тематических текстов – это признак провинциальности литературы, осознание её создателями «малости» своей родины по отношению к Родине большой. Это осознание приходит к Новгороду лишь в XVII веке, когда новгородская литература в самом деле из местной превращается в провинциальную [Сажин 2000]. Несомненно, и ранее, в XVI в., сборники агиографического содержания часто отражали стремление к компоновке житий новгородских святых в контексте житий общерусских или общехристианских. Однако о цикличности применительно к новгородской литературе XVI в. говорить вряд ли приходится¹.

Как не определён состав новгородской агиографической литературы, так не существует её полноценного масштабного исследования. Изучение всего рукописного наследия Новгорода, выводы и наблюдения над непосредственным литературным материалом по каждому отдельному памятнику и по их совокупности – дело долгих лет и усилий. Сегодня уже имеется значительное количество достаточно полных исследований некоторых памятников новгородской житийной литературы; делаются попытки обобщить результаты этих исследований и дать характеристику новгородской агиографии в целом. Степень опубликованности новгородских житийных текстов зависит от степени их изученности и не является достаточной.

¹ Следует отметить, что цикл как таковой, т. е. корпус текстов достаточно стабильного состава, не сложился в Новгороде и в XVII в.: традиция уже безвозвратно уходила, так и не успев завершиться.

Вопрос о своеобразии новгородской средневековой литературы

Определение специфических особенностей местных (региональных) литератур – один из самых дискуссионных в литературоведении [Власов 1995; Гачев 1988; Колобанов 1982; Крушельницкая 1996; Охотникова 2003; Охотникова 1985; Руди 1996; Семячко 2005; Терешкина 2006, 99–124; Чмыхало 1983]. Основными проблемами изучения местных литератур, на наш взгляд, являются следующие:

- определение понятия «местная (областная, локальная) литература»;
- характеристика особенностей, т. е. специфических черт, литературы той или иной локальной единицы.

Главным в определении местных литератур является географический признак – он и заложен в самом назывании феномена. Говоря чрезмерно упрощённо, местная литература – это та, которая создана в определённой территориальной культурной среде. Однако отождествление границ географических (реальных, осязаемых) с границами бытования литератур (неопределённых вследствие абстрактности самого понятия «литература») не может считаться корректным.

В качестве рабочего определения понятия «местная литература» можно принять следующее: местная литература – это литература определённой территориальной единицы; границы административные и литературные условно совпадают, меняясь в процессе исторического развития, «ментальные» (идеологические) границы, не будучи точно определёнными, являются определяющими в культурно-территориальной самоидентификации носителей той или иной локальной структуры. Местная литература может обладать всеми или несколькими из перечисленных признаков:

- 1) она создаётся местными авторами;
- 2) нацелена на местную аудиторию;
- 3) содержит упоминание местных реалий (топонимов, собственных имён и названий, обычаев и т. д.);
- 4) отражает местную идеологию;
- 5) распространяется в местных списках;
- 6) выражает «дух» местной культуры.

При этом надо учитывать, что черта одной местной литературы может не быть и скорее всего не будет исключительной, неповторимой в других местных литературах. Быть может, исключительных черт вообще нет. Но *набор* черт, сохранение или изменение этого набора на протяжении всего развития древней литературы, доля каждой черты в этом наборе – вот что может быть различным в разных местных литературах.

Приведём теперь некоторые положения относительно собственно новгородской литературы, то есть попытаемся определить её *особенности* по сравнению с другими местными литературами. Отметим сразу, что обозначаемые нами «специфические черты» являются «особенностями» именно новгородской литературы в очень разной степени: многие из них присущи другим местным литературам Древней Руси.

Практически только новгородская литература имеет такое огромное количество летописных сводов. Даже Московское княжество, став центром Руси, не успело создать такое количество летописных памятников.

Кроме летописей, особенно многочисленными жанрами являются жития, повести и сказания. Обилие житий объяснимо достаточно просто: новгородская земля всегда славилась огромным количеством монастырей и храмов, а создание большого пантеона почитаемых новгородских святых входило, как нам кажется, в идеологическую направленность Новгорода. Повести и сказания в новгородской литературе имеют подчеркнuto публицистический характер: они, как правило, посвящены каким-либо очень важным событиям в новгородской истории и в подавляющем большинстве имеют явно выраженный проновгородский характер (например, «Повесть о новгородском белом клобуке», «Повесть о видении в Новгороде», «Повесть о видении пономарю Тарасию» и т. д.). Обращает на себя внимание практически полное отсутствие в новгородской литературе произведений жанра торжественного красноречия, а также малое число воинских повестей.

Что касается новгородских сказаний, то большое количество их посвящено известным новгородским храмам, иконам, фресковым изображениям (например, «Сказание о Спасовом образе», «Сказание о чудотворной иконе Богоматери Знамение», «Сказание о благовещенской церкви» и др.). Особенное внимание произведений новгородской литературы к памятникам архитектуры, живописи было отмечено ещё давно: «ни в одной из литератур других русских областей писатели не выказывают себя такими знатоками техники строительного искусства, техники живописи» [Лихачёв 1964, 50]. Всего в новгородской литературе насчитывается около полутора десятков произведений о памятниках архитектуры, живописи – а упоминаний и развёрнутых рассказов о них в летописях во много раз больше. Каждый из них требует специального текстологического изучения.

Очень представительным является в новгородской литературе жанр хождений. «Хождение Стефана Новгородца» подробно рассматривалось в научной литературе. Необыкновенно показательными оказываются «Сказание о Царьграде» и «Беседа о святынях Царьграда», где, как отмечают исследователи, проявился практичный, пытливый характер новгородцев, которые не только восхищались красотами и сооружениями в других землях, но и живо интересовались тем, *как* всё это сделано. «Интерес новгородцев к искусству – это отнюдь не интерес эстетов и гурманов. Это интерес мастеров, которым хочется узнать, “что и как”, узнать технику работы и историю памятника» [Лихачёв 1964, 56].

Одна из характерных черт новгородской жизни – так называемое «брожение умов», появление и распространение ересей – отразилась в достаточно представительном в новгородской литературе жанре публицистики.

Общим местом стало утверждение о том, что новгородская литература отличается простотой, лаконичностью, безыскусностью стиля. Этот признак не абсолютен, но, в самом деле, он обнаруживается в новгородской литера-

туре при сопоставлении с новгородской архитектурой, которая отличалась такими же качествами, а также при сравнении с произведениями подобных жанров в других местных литературах.

«Краткость и энергичность прямой речи составляет замечательную особенность Новгородской летописи. <...> Ещё одно жизненное обстоятельство отразилось в речах новгородцев – язык веча. <...> Не только лаконизм, но и образность, почти пословичность, отличает речь Новгородской летописи. <...> На всём протяжении XIII–XIV вв. новгородскую летопись характеризуют крепкое бытовое просторечие и разговорные обороты языка, которые придают ей тот характер демократичности, которого мы не встречаем затем в московском летописании, ни перед тем – в южном. <...> Всё это вместе придаёт новгородским летописям тот характер домашности, непосредственности, непритязательности и деловитости, который вообще выделяет новгородскую литературу из литератур других областей» [Лихачёв 1945, 119–121].

Отметим ещё одну особенность новгородской литературы (как и новгородской культуры вообще): открытость к заимствованиям. Новгородская земля, как, пожалуй, никакая другая, может похвастаться таким обилием иноземных мастеров – в литературе, фресковой живописи, архитектуре, – творчество которых стало органичной частью новгородской культуры, вошло в неё и создавало её неповторимый облик.

Ещё одну особенность новгородской литературы (в частности, летописания) часто отмечают медиевисты: это внимание к местным темам и событиям. В самом деле, подавляющее большинство новгородских произведений посвящено тому, что происходило в новгородской земле [Смирнов, Смолицкий 1978; Чистов 1986]. Новгород был словно замкнут в самом себе, но не в смысле отсутствия межкультурных связей (они были широкими, как нигде), а в смысле сосредоточенности на сложной и противоречивой собственной жизни – и, конечно, вследствие достаточно «имперского» взгляда на историю: осознание собственной значимости «Господином государем Великим Новгородом» всегда доминировало в новгородской духовной жизни.

С XIII в. в новгородском летописании возникает интерес к общерусским событиям. «Появляется понятие Русской земли, до того почти отсутствовавшее в новгородской летописи. <...> Сами годовые летописные статьи становятся пространнее. <...> Летопись приобретает широту письма и обширную осведомлённость» [Лихачёв 1945, 115]. Неслучаен тот факт, что именно новгородские летописи лягут в основу общерусских сводов XIV, XV и XVI вв.

Отмеченные нами черты новгородской литературы являются пока немногочисленными и предварительными. Надеемся, что дальнейшие разыскания дадут более обширные и более точные выводы.

Специфика новгородской средневековой житийной литературы

Особый статус Новгорода среди древнерусских городов (прежде всего – вечевой уклад общественного управления) определил специфику местного искусства – вплоть до потери Новгородом своей политической независимости. В агиографии это отразилось *прямым изображением исторических событий*, связанных с вечевым укладом города. Церковные иерархи были поневоле втянуты в политическую борьбу, и это не могло не отразиться на их духовном подвиге как пастырей, и на рассказе об этом подвиге в житиях святителей. Например, епископ Нифонт († 1156) (ил. 1) в летописи середины XII в. – один, в житиях – совсем иной [Терешкина 2001].

Ил. 1. Нифонт, епископ Новгородский. Современная фреска.

Источник: <http://dimitri.moseparh.ru/2019/04/21/21-aprelya-svyatitel-nifont-pecherskij-novgorodskij/>

Новгородская первая летопись отмечает множество событий, в которых Нифонт был участником: противостояние новгородцев князю Всеволоду, который в итоге политических распрей был вынужден покинуть Новгород, борьба Нифонта с Климентом Смолятичем, поставленным митрополитом без благословения константинопольского патриарха, примирение Нифонтом киевлян и черниговцев в 1147 г. и т. д. Сложное отношение новгородцев к Нифонту отразилось в сообщении Новгородской первой летописи под 1156 г.: тогда Нифонт, выехав из Новгорода на встречу с «закон-

ным» митрополитом Константином, остановился в Киево-Печерском монастыре (откуда и был поставлен епископом новгородским в 1131 году), где заболел и скоропостижно скончался. По свидетельству летописца, кое-кто из новгородцев посмел высказаться нелицеприятно о епископе, якобы он пошёл к Киеву, «полупив святую Софию», т. е. взяв для своего визита множество даров и ценностей. На это летописец возражал, перечисляя множество богоугодных дел Нифонта, прежде всего его храмоздательную деятельность: по его благословию была украшена новгородская София, заложен Мирожский монастырь в Пскове, церковь св. Климента в Ладого.

Житие Нифонта было создано псковским агиографом Василием Варлаамом в середине XVI в. к канонизации епископа в чине святителей (1649 г.), инициированной митрополитом Макарием. Созданное в риторическом стиле, состоящее в основном из житийных топосов и восполняющее фактические лакуны о жизненном пути Нифонта до поставления его епископом в Новгород, житие не содержит каких бы то ни было противоречий в образе Нифонта и его почитания новгородцами. Следует учитывать не только специфические особенности агиографии как жанра, абстрагирующего изображаемое от действительности, но и время создания жития: чем дальше от описываемых событий время составления агиографического текста, тем меньше в нём жизненных реалий, а также тем приглушённое в житии эмоциональное начало и личное чувство автора.

Новгородская летопись, постоянно ведущаяся, отражала гущу событий. Агиография «сглаживала» противоречия, уходила от суеты мира. Но в первоначальных редакциях новгородских житий *противоречивость новгородцев* в отношении к своим духовным наставникам отразилась в полной мере.

Об этом говорит, например, сюжет о путешествии Иоанна на бесу в Иерусалим в одноимённом сказании первой половины XV в. [Дмитриев, Лихачёв 1981, 454–463], затем вошедшем в Житие Иоанна, созданное, вероятно, Пахომием Логофетом. Стоило бесу, в отместку за не выполненное Иоанном обещание не рассказывать об их путешествии к Гробу Господню, скомпрометировать епископа в глазах его паствы (бес в обличье женщины выходил из кельи Иоанна, «оставлял» у его кельи женскую обувь и т. д.), как новгородцы, потерявшие веру в своего духовного пастыря, тут же решили избавиться от него. Скор был суд новгородцев, и неважно, касался он вора или епископа, потерявшего доверие горожан. Разница состояла лишь в форме наказания: епископа новгородцы отсылают из города, посадив на плот и пустив в вольное течение по Волхову; согласно сказанию, чудом плот направился против течения, тем самым стала очевидной нравственная чистота Иоанна, указанная самим Господом.

История жизни города, в том числе повседневная, входила в жития новгородских святых (особенно в их первоначальные редакции) сюжетами и мотивами, составляющими идеологическую оценку действий самих новгородцев. Житие Николы Кочанова и Житие Феодора Юродивого (XIV в.) (ил. 2) символически рассказывают о противостоянии двух «сторон» Новгорода по отношению к Волхову – Торговой и Софийской [Терешкина 2006, 84–90].

Ил. 2. Святые Никола Кочанов и Феодор Юродивый. Современные иконы.

Источники: <https://elitsy.ru/profile/15027/1715217/>; <https://vestida.ru/posts/5522>

Блаженный Никола подвизался на Софийской стороне, ходя по улицам и торжищам, проповедуя Слово Божие. В то же время на Торговой стороне юродствовал во Христе Феодор блаженный. Как только один из них видел другого на «своей» стороне, прогонял «супостата», кидаясь в него всем, что «прилучится» на земле. Никола, однажды попав на Торговую сторону, бежал по водам Волхова, как посуху, спасаясь от преследовавшего его Феодора. Подвиг святых становится олицетворением бессмысленной вражды жителей двух «сторон» одного города, зачастую принимавшей ужасные формы.

Как особая *новгородская реалья* вошёл в тексты житий новгородских святых знаменитый Судный мост. Так, в житии Варлаама Хутынского (ил. 3) читаются два чуда с осуждёнными на смерть [Варлаам 1881]. Однажды Варлаам, направляясь к владыке через волховский мост, увидел, как новгородцы творят суд над человеком, совершившим преступление. Варлаам прозрел духовными очами, что преступник на самом деле виноват, что судят его по заслугам. Но ему удаётся вымолить у новгородцев разрешение отпустить осуждённого ему на поруки. Варлаам забирает преступившего закон к себе, тот постригается со временем в монахи и умирает, искупив вину покаянием и молитвой. В другой раз, став свидетелем казни, Варлаам понимает, что суд совершается над невинным человеком, – и проходит мимо, объяснив потом удивлённым ученикам своим, что осуждённый невинно

и так уже у Бога, нет нужды стремиться исправить его при земной жизни. Так новгородская реальия – Судный мост – становится не только «декорацией» происходящих со святым событий, но и визуализацией сложного этического выбора в ситуации народно-вечевого устройства жизни целого города, веками вырабатывавшего свои социальные и правовые традиции.

Ил. 3. Варлаам Хутынский с житием. Икона. Сер. XVI в.

Источник: <https://icons.pstgu.ru/icon/3681>

Одной из специфических особенностей новгородской житийной литературы является *высокая достоверность текстов*. Это доказывается удивительной сохранностью новгородских реалий (и даже их деталей!), упоминаемых в житиях. Так, величайшая новгородская святыня – икона «Знамение Божьей Матери» (ил. 4) – по сей день хранится в Софийском соборе. Вернее сказать – «обитает» в нём, хранимая и почитаемая новгородцами, постоянным молитвенным присутствием связанная с их повседневностью.

Ил. 4. Знамение Божией Матери. Икона. Новгород, Софийский собор. XII в.

Источник: <https://drevo-info.ru/articles/13671150.html>

Этот образ Божьей Матери запечатлел все письменные свидетельства о ней, содержащиеся в «Сказании о битве новгородцев с суздальцами» [Дмитриев, Лихачёв 1981, 448–453], также затем вошедшем в «Житие Иоанна Новгородского», одно из наиболее популярных житий в новгородской агиографии. Сказание повествует о том, как в 1170 году объединённые войска под предводительством сына Андрея Боголюбского князя Мстислава осадили Новгород. Осада длилась несколько дней, в городе начались голод и страдания. Во время молитвы архиепископ Иоанн услышал голос, повелевающий ему вынести на острог икону Знамения Божией Матери и молиться всем собором. Это и было сделано на следующий день: икона была вынесена на городскую стену (в том месте, где ныне находится сохранившийся до сего дня Богородицкий Десятинный монастырь), начался молебен, но враги не переставали осыпать Новгород градом стрел, целясь и в процессию на городской стене. Одна из стрел попала в образ Знамения Божьей Матери, он развернулся ликом Богоматери к городу, и от образа Пречистой потекли слёзы, которые архиепископ собрал в свою фелонь. В этот момент враги, осаждавшие Новгород, словно ослепли и стали избивать друг друга. Новгород был спасён. Но самое чудесное – в том, что на иконе Знамения Божией Матери, освобождённой от более позднего оклада, действительно находится след от стрелы, а повернуться она могла потому, что выносилась на древке и является двусторонней (на обратной стороне иконы изображены, вероятнее всего, свв. Иоаким и Анна, родители св. Девы Марии).

Ещё одной новгородской реалией, подтверждающей достоверность чудесного в житиях, является церковь Благовещения в Аркажах (ил. 5).

Ил. 5. Церковь Благовещения Богородицы на Мячине (в Аркажах).

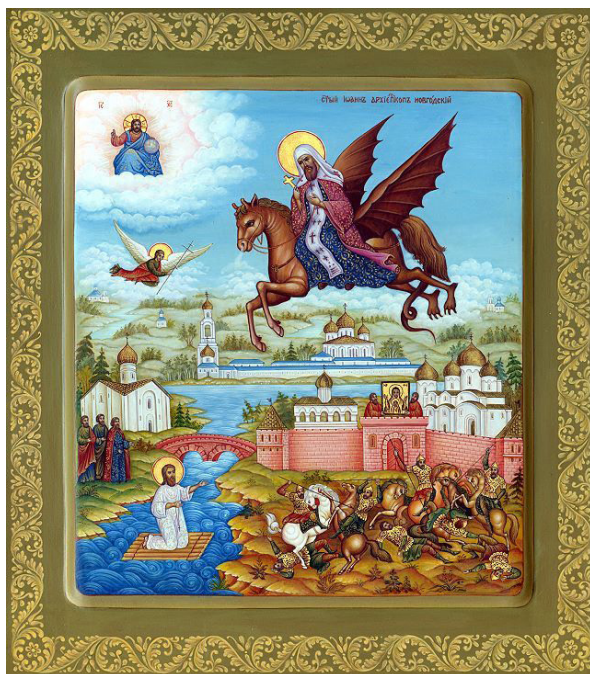
Источник: <https://tr.pinterest.com/pin/727120302312835645/>

Построение этой церкви, датирующееся сейчас концом 70-х годов XII в., описано ещё в одном сказании из цикла текстов, посвящённых Иоанну Новгородскому [Дмитриев, Лихачёв 1981, 464–467]. Храм строил Иоанн вместе с братом Григорием (Гавриилом), вероятно, к десятилетию освобождения Новгорода от суздальцев заступлением Божией Матери. Повесть рассказывает о том, как, решив построить каменный храм во имя Богородицы, братья столкнулись с нехваткой средств в тот момент, когда церковь уже была возведена «до плеч». Охваченные скорбью, братья увидели в сонном видении Богоматерь, ободряющую их в святом их деле. Наутро Иоанн и Григорий обнаружили у недостроенной церкви коня необыкновенной красоты, с позолоченной уздой и седлом, окованным золотом; к седлу были приторочены два «чемоданца»: один – с серебром, другой – с золотом. Этих средств с лихвой хватило и на достройку церкви, и на украшение её всем необходимым (иконой, утварью и книгами), а также на покупку нескольких сёл на устройство монастыря, здесь организованному; оставшаяся часть богатства была передана братьями игумену и насельникам новой обители.

Эта красивая (даже по изображаемой «картине» чуда) легенда имеет под собой весьма жизненное обоснование. В Новгороде в эпоху его независимости часто строились небольшие одностолпные храмы, которые возводились за один сезон, быстро и при этом качественно. «Чудом» при этом

была не только скорость постройки, но и дарование мастерам необходимых средств, которых всегда не хватало и которые появлялись по молитвам возводивших храм.

Чудо возвращения Иоанна в Новгород по водам Волхова (ил. 6), о котором упоминалось выше, тоже имеет вполне реальное объяснение. Волхов на самом деле время от времени меняет направление своего течения в обратную сторону или остаётся неподвижным: это зависит от уровня воды, доставляемой впадающими в Волхов реками. В Новгородской первой летописи под 1176 г. отмечено пятидневное обратное течение Волхова.

Ил. 6. Икона «Житие Иоанна Новгородского». Новое время.

Источник: <https://www.pinterest.ru/pin/806707351986003126/>

В Новгороде действительно существует феномен «живой истории». Это ощущается не только в поразительном совпадении жизненных реалий и изображённого в новгородской средневековой литературе (прежде всего – в агиографии как отражающей «частную» жизнь человека). Особенно подобные закономерности, свидетельствующие о достоверности текстов новгородских житий, обнаруживаются в целой «сети» памятников, друг с другом как будто не связанных.

О епископе Нифонте, как уже говорилось выше, повествуют новгородские летописи, а также – в совсем ином ключе – житие епископа. Однако в новгородской письменности есть памятник церковно-канонического права, «Вопрошание Кирика», которое волею судеб оставило нам не только поражающую воображение практику этических и правовых отноше-

ний церкви и населения Новгорода XII в., но и имя владыки, отвечавшего на канонические вопросы автора Вопросания – Кирика Новгородца. Этим владыкой и был Нифонт, который в «Вопрошаниях», как ни странно, выглядит наиболее «человечным»: многое Нифонт прощал своим духовным детям, ибо, вероятно, был мудрым и тонким пастырем в городе, не так давно принявшем христианство, при этом в силу своей образованности и вольнолюбия не принимавшем всё за чистую монету. Примечательно, что вопрошавший к епископу Кирик Новгородец – один из наиболее значимых новгородских (и общерусских) просветителей, так как именно ему принадлежит первый известный на Руси математический трактат «Учение о числах».

Ил. 7. Видение старца Дорофея». Икона. 3-я четверть XVIII в.

Источник: http://pskov-eparhia.ellink.ru/browse/show_news_type.php?r_id=5912

Вторым владыкой, кому были адресованы вопросы Кирика, был как раз Иоанн, о котором сложено было столько текстов в новгородской книжной культуре. А Нифонт ещё раз упоминается, совершенно неожиданно, в памятнике псковской агиографической литературы XVI в. – «Видении Дорофею», когда его, как строителя Мiroжского монастыря, призывает Богородица, явившаяся к псковичам во время осады Пскова Стефаном Баторием в августе 1581 года [Терешкина 2002]. Помощью Богородицы Псков, ставший местом храмоздательной деятельности Нифонта за четыре-ста лет до описываемых событий, спасается от порабощения поляками. Этот сюжет отражён и в знаменитой псковской иконе «Видение Дорофею» (ил. 7).

В новгородской литературе переключка иконного и литературного образов наблюдается в нескольких сюжетах. Один из наиболее известных текстов – «Видение пономарю Тарасию» – вначале существовал в виде отдельного сказания (и самостоятельного иконного образа) [Дмитриев 1984], а затем вошёл в Распространённую редакцию Жития Варлаама Хутынского.

Ил. 8. Видение пономаря Тарасия. Икона. Новгород, вторая пол. XVI в.

Источник: <http://www.iconrussia.ru/icon/detail.php?ID=2498>

Хутынский пономарь Тарасий, находясь на молитве в Преображенском храме в полночь (событие датировано 1505 годом), увидел святого Варлаама, основателя монастыря, молящегося за Новгород. Варлаам предсказал Новгороду великие испытания, метафорически увиденные Тарасием с самого верха церкви св. Спаса (ил. 8). Переключка текстов (причём написанных разными средствами – изобразительными и словесными), их постоянная взаимосвязь как будто вторит «диалогу святых» (*communio sanctorum*), который тоже есть специфический признак новгородской и общерусской агиографии.

Богатство и многообразие памятников новгородской житийной литературы – не только свидетельство прекрасной сохранности памятников новгородской книжности, не только иллюстрация чрезвычайной насыщенности христианской жизни Новгорода и его земель, но и отражение так называемого «*минейного кода*» (ил. 9) русской христианской культуры [Терешкина 2015].

Ил. 9. Собор новгородских святых. Икона. Новгород, 1-я четв. XVIII в.

Источник: <https://georidericons.com/netlennye-tvoreniya-ot-serdets-prishedshie/ikona-sobor-novgorodskih-svyatyh-nachalo-ili-pervaya-chetvert-xviii-v>

Этот код заключается в том, что каждый «тип» («класс») святости, согласно которому угодник причисляется к лику святых, каждый вид подвижничества есть прообраз индивидуального, частного движения к Богу каждого человека. Всё угодно Господу, если человек действует из любви к Нему и к своему ближнему. Эта «частная философия» осознавалась каждым в меру своего познания мира и Христа. Эта же философия организовывала жизнь новгородцев, окружённых «кольцом святости» древнейших великих монастырей – Юрьева, Хутины, Вяжищского, Мячинского, Сковородского, Антониева... Каждое место было освящено святым, здесь подвизавшимся, поборовшим «худость» места (как Варлаам поборол Хутынь, т. е. «худое место») и сделавшим его подобием Рая на земле. Христианский календарь, где каждый день церковного года – это праздник поминовения того или иного святого, до сих пор организует религиозную жизнь верующих новгородцев: «К Евфимию еду», «В Варлаамиев собираемся», – говорят нынешние верующие жители Новгорода, не упускающие случая помолиться святому в «его» месте в «его» день, приложиться к его мощам. Сонм святых становится собором близких и дорогих людей – молитвенников перед Богом за живущих.

Выводы

Новгородская средневековая житийная литература – это не только внушительный по своему составу корпус сакральных текстов, читаемых в дни памяти святых. Это ещё беллетристика, обеспечивающая «развлекательное» и «поучительное» чтение вплоть до появления массовой литературы. Это ещё и «изящная словесность», в которой русский язык обретал способность изложить то, что по сей день плохо поддается вербализации, – феномен святости как отражения Бога в человеке. В каждом человеке, когда его жизнь приобретает черты и суть жития во Христе.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Варлаам 1881 – Общество любителей древней письменности. Вып. 41: Житие Варлаама Хутынского. Санкт-Петербург, 1881.
- Власов 1995 – Власов А. Н. Устюжская литература XVI–XVII веков. Историко-литературный аспект. Сыктывкар, 1995.
- Гачев 1988 – Гачев Г. Национальные образы мира. Москва, 1988.
- Гордиенко 2001 – Гордиенко Э. А. Новгород в XVI в. и его духовная жизнь. Санкт-Петербург, 2001.
- Дмитриев 1984 – Видение хутынского пономаря Тарасия / Подг. текста, пер., комм. Л. А. Дмитриева // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI в. Москва, 1984. С. 416–421.
- Дмитриев, Лихачёв 1981 – Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV в. / Под ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачёва. Москва, 1981.
- Дмитриева 1994 – Дмитриева Р. П. Введение // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Санкт-Петербург, 1994. С. 3–11.
- Колобанов 1982 – Колобанов В. А. Владимиро-суздальские литературные памятники XIV–XVI веков. Москва, 1982.
- Крушельницкая 1996 – Крушельницкая Е. В. Автобиография и житие в древнерусской литературе. Санкт-Петербург, 1996.
- Лихачёв 1945 – Лихачёв Д. С. Новгородская летопись XIII–XIV вв. // История русской литературы в 10 томах. Том 2. Часть 1: Литература 1220-х – 1580-х гг. Москва, Ленинград, 1945. С. 114–121.
- Лихачёв 1964 – Лихачёв Д. С. Памятники искусства в литературе Новгорода // Новгород. К 1100-летию города / Под ред. М. Н. Тихомирова. Москва, 1964. С. 48–56.
- Охотникова 1985 – Охотникова В. И. Повесть о Довмонте: Исследование и тексты. Ленинград, 1985.
- Охотникова 2003 – Охотникова В. И. Литература древнего Пскова // Псковский край в литературе. Псков, 2003. С. 7–76.
- Пиккио 2002 – Пиккио Р. История древнерусской литературы / Пер. с итал. Москва, 2002.
- Пятнов 1982 – Пятнов П. В. Жанры новгородской литературы XIII–XV вв. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Москва, 1982.
- Руди 1996 – Руди Т. Р. Житие Юлиании Лазаревской (Повесть об Ульянии Осорьиной). Санкт-Петербург, 1996.

- Сажин 2000 – Русская провинция: миф – текст – реальность / Под ред. В. Н. Сажина. Москва, Санкт-Петербург, 2000.
- Семячко 2005 – Семячко С.А. Проблемы изучения региональных агиографических традиций (на примере вологодской агиографии) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика. Санкт-Петербург, 2005. С. 122–142.
- Смирнов, Смолицкий 1978 – Смирнов Ю. И., Смолицкий В. Г. Новгород и русская эпическая традиция // Новгородские былины. Москва, 1978. С. 314–335.
- Терешкина 2001 – Максимова (Терешкина) Д. Б. Житийные памятники, посвящённые Нифонту Новгородскому: литературная история текстов. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Великий Новгород, 2001.
- Терешкина 2002 – Максимова (Терешкина) Д. Б. Видение Нифонту и Нифонт в Видении Дорофею: связь времён и текстов // Время и текст. Историко-литературный сборник. Санкт-Петербург, 2002. С. 18–29.
- Терешкина 2006 – Терешкина Д. Б. Новгородская житийная литература. Великий Новгород, 2006.
- Терешкина 2015 – Терешкина Д. Б. «Четъи-Минеи» и русская словесность Нового времени. Великий Новгород, 2015.
- Чистов 1986 – Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Ленинград, 1986.
- Чмыхало 1983 – Чмыхало Б. А. Литература Сибири XVII–XVIII вв. Красноярск, 1983.

REFERENCES

- Chistov 1986 – Chistov K. V. Folk Traditions and Folklore. Leningrad, 1986. In Russian.
- Chmykhalo 1983 – Chmykhalo B. A. Literature of Siberia of the 17th – 18th centuries. Krasnoyarsk, 1983. In Russian.
- Dmitriev 1984 – Vision of the Sexton Tarasios of Khutyn. Transl. into Russian by L. A. Dmitriev. *Literature Monuments of Old Russia. End of the 15th – first half of the 16th century*. Moscow, 1984. P. 416–421.
- Dmitriev, Likhachev 1981 – Literature Monuments of Old Russia. 14th – mid-15th century. Transl. into Russian. Ed. by L. A. Dmitriev, D. S. Likhachev. Moscow, 1981.
- Dmitrieva 1991 – Dmitrieva R. P. Introduction. *Book Centers of Ancient Russia. 17th century*. St. Petersburg, 1994. P. 3–11. In Russian.
- Gachev 1988 – Gachev G. National Images of the World. Moscow, 1988. In Russian.
- Gordienko 2001 – Gordienko E. A. Novgorod in the XVI century and Its Spiritual Life. St. Petersburg, 2001. In Russian.
- Kolobanov 1982 – Kolobanov V. A. Vladimir-Suzdal Literary Monuments of the 14th – 16th centuries. Moscow, 1982. In Russian.
- Krushelnitskaya 1996 – Krushelnitskaya E. V. Autobiography and Vita in Ancient Russian Literature. St. Petersburg, 1996. In Russian.
- Likhachev 1945 – Likhachev D. S. Novgorod Chronicle of the 13th – 14th centuries. *History of Russian Literature in 10 volumes. Vol. 2. Part 1: Literature of 1220s – 1580s*. Moscow, Leningrad, 1945. P. 114–121. In Russian.
- Likhachev 1964 – Likhachev D. S. Monuments of Art in the Literature of Novgorod. *Novgorod. To the 1100th Anniversary of the City*. Ed. by M. N. Tikhomirov. Moscow, 1964. In Russian.
- Okhotnikova 1985 – Okhotnikova V. I. The Story of Dovmont: Research and Texts. Leningrad, 1985. In Russian.

- Okhotnikova 2003 – Okhotnikova V. I. Literature of Ancient Pskov. *Pskov Region in Literature*. Pskov, 2003. P. 7–76. In Russian.
- Picchio 2002 – Picchio R. La letteratura russa antica. Transl. into Russian. Moscow, 2002.
- Pyatnov 1982 – Pyatnov P. V. Genres of Novgorod Literature of the 13th – 15th centuries. Abstract of Candidate in Philology Thesis. Moscow, 1982. In Russian.
- Rudy 1996 – Rudy T. R. Vita of Saint Juliana of Lazarevo (The Story of Ulyania Osor'ina). St. Petersburg, 1996. In Russian.
- Sazhin 2000 – Russian Province: Myth – Text – Reality. Ed. by V. N. Sazhin. Moscow, St. Petersburg, 2000. In Russian.
- Semyachko 2005 – Semyachko S. A. Problems of Studying Regional Hagiographic Traditions (on the example of Vologda hagiography). *Russian Hagiography: Research. Publications. Controversy*. St. Petersburg, 2005. P. 122–142. In Russian.
- Smirnov, Smolitsky 1978 – Smirnov Yu. I., Smolitsky V. G. Novgorod and the Russian Epic Tradition. *Novgorod Byliny*. Moscow, 1978. P. 314–335. In Russian.
- Tereshkina 2001 – Maksimova (Tereshkina) D. B. Hagiographic Monuments Dedicated to Nifont of Novgorod: A Literary History of Texts. Abstract of Candidate in Philology Thesis. Veliky Novgorod, 2001. In Russian.
- Tereshkina 2002 – Maksimova (Tereshkina) D. B. The Vision of Nifont and Nifont in the Vision of Dorofey: the Connection of Times and Texts. *Time and Text: Historical and Literary Collection*. St. Petersburg, 2002. P. 18–29. In Russian.
- Tereshkina 2006 – Tereshkina D. B. Novgorod Hagiographic Literature. Veliky Novgorod, 2006. In Russian.
- Tereshkina 2015 – Tereshkina D. B. “Chetyi-Menaion” and Russian Literature of the New Time. Veliky Novgorod, 2015. In Russian.
- Varlaam 1881 – Society of Lovers of Old Writing. Is. 41: Life of Varlaam of Khutyn. St. Petersburg, 1881. In Russian.
- Vlasov 1995 – Vlasov A. N. Ustyug Literature of the 16th – 17th centuries. Historical and Literary Aspect. Syktyvkar, 1995. In Russian.

Материал поступил в редакцию 24.05.2021,
принят к публикации 14.06.2021

Для цитирования:

Терешкина Д. Б. Новгородская житийная литература: текст и образ // Визуальная теология. 2021. № 1 (4). С. 85–104. DOI: <https://doi.org/10.34680/vistheo-2021-1-85-104>.

For citation:

Tereshkina D. B. Novgorod Hagiographic Literature: Text and Image. *Journal of Visual Theology*. 2021. 1 (4). P. 85–104. DOI: <https://doi.org/10.34680/vistheo-2021-1-85-104>.